

УДК 821.111-31.73
ББК 84(7 Сое) 44
P55

William Ritter

JACKABY; BEASTLY BONES; GHOSTLY ECHOES; THE DIRE KING; THE MAP

Published by arrangement with Algonquin Young Readers, an imprint of Algonquin Books of Chapel Hill, a division of Workman Publishing Company, Inc., New York (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia).

Риттер, Уильям.

P55 Джекаби. Все мистические расследования: роман / Уильям Риттер; пер. с англ. З. Мамедьярова, О. Перфильева. Москва: Издательство АСТ, 2020. – 832 с. – (#YoungDetective).

ISBN 978-5-17-119606-6

Новая Англия, 1892 год. Юная искательница приключений Эбигейл Рук устраивается на должность ассистентки к молодому детективу Р.Ф. Джекаби, исследователю необъяснимых явлений. Джекаби обладает необычным даром – он может видеть фантастических существ, обитающих в городе под видом обыкновенных людей и животных. Талант Эбигейл – подмечать обычные, но важные детали – делает ее идеальной помощницей паранормального детектива.

Первый рабочий день Эбигейл начинается с жуткого происшествия: в городе объявляется серийный убийца. Полиция считает его обыкновенным преступником, но Джекаби уверен, что это нечеловеческое создание. Мистическое расследование начинается!

УДК 821.111-31.73
ББК 84(7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-119606-6

First published in the United States under the following titles:

JACKABY, Copyright © 2014 by William Ritter
BEASTLY BONES: A JACKABY Novel, Copyright © 2015 by William Ritter
GHOSTLY ECHOES: A JACKABY Novel, Copyright © 2016 by William Ritter
THE DIRE KING: A JACKABY Novel, Copyright © 2017 by William Ritter
THE MAP: A Jackaby Story, Copyright © 2015 by William Ritter
Interior and Jacket design by jdrift design. Jacket image
© Raven Cornelissen / BirdsisistersStock.

© З. Мамедьяров, перевод на русский язык, 2018
© О. Перфильев, перевод на русский язык, 2018, 2019, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

КНИГА I

Джекаби

Для Джека, благодаря которому мне хочется творить невозможное,
и для Кэт, которая убеждает меня, что я способен на это.

Глава первая

Был конец января, когда я сошла по трапу на заметенный свежим снегом берег Новой Англии. Город Нью-Фидлем поблескивал в сгущающихся сумерках: свет фонарей плясал на обледенелых стенах домов на набережной и превращал кирпичную кладку в алмазную россыпь. В чернильно-черных водах Атлантики плясали отсветы газовых фонарей. Я пошла вперед, держа в руке один-единственный чемодан, в котором уместились все мои пожитки. После нескольких недель в море было непривычно ступать по твердой земле и видеть вокруг высокие здания. В будущем мне предстояло хорошо изучить этот город, но той холодной зимой 1892 года каждое светящееся окно и каждый темный переулок были мне незнакомы и таили в себе неведомые опасности и интригующие тайны.

Город не был старым — по сравнению с другими городами, которые я успела посетить, — но при этом дышал великолепной пышностью и гранитной уверенностью любой европейской гавани. Я бывала в горных деревушках Украины, средневековых городках Польши и Германии и поместьях родной Англии, но тем не менее меня приводил в трепет гул оживленного, пульсирующего американского порта. Даже когда свет окончательно сменился тьмой, в порту не перестали мелькать силуэты людей, спешащих закончить свои дела.

Бакалейщик щелкал затворами, закрывая свою лавку на ночь. Матросы на побывке бродили по гавани в поисках развлечений, на которые не жалко потратить честно заработанные деньги, а женщины в откровенных нарядах были рады помочь им потратить эти деньги побыстрее. В одном из прохожих я увидела собственного отца — уверенного в себе и успешного, вероятно, снова опаздывающего к ужину, потому что вечер он посвятил важной работе, а не любящей семье.

На противоположной стороне пристани молодая женщина плотнее запахнула зимнее пальто и опустила голову, когда толпа моряков проходила мимо. Может, у нее и подрагивали плечи, но громкий хохот мужчин не заставил ее свернуть с пути. В ней я узнала себя, еще

УИЛЬЯМ РИТТЕР

одну заблудшую душу, своенравную, идущую куда угодно, только не домой.

Холодный ветер гулял по пирсу, задувая под потрепанный подол моего платья и пронизывая все швы толстого пальто. Я ухватилась за свою старую твидовую кепку, чтобы ее не унесло прочь. Такие кепки были в моде у мальчишек — отец называл ее «кепкой газетчика», — но за последние месяцы я к ней привыкла. В кои-то веки я пожалела, что не ношу пышных нижних юбок, без которых, как утверждала мама, не обойтись ни одной приличной даме. Простой покрой моего зеленого дорожного платья не стеснял движений, но тонкая ткань несколько не согревала на ледяном ветру.

Я подняла овчинный воротник, спасаясь от снега, и пошла дальше. В карманах позвякивала горстка монет, оставшихся после работы за границей. Я понимала, что здесь смогу купить на них разве что жалость, да и то если удастся сторговаться. Но каждая из них могла рассказать историю, и я радовалась их дружественному звону, продираясь сквозь пургу к таверне.

Джентльмен в длинном коричневом пальто, едва ли не до бровей замотанный шарфом, придержал мне дверь, и я зашла внутрь. Повесив пальто и кепку у двери и пристроив рядом чемодан, я смахнула с волос снежинки. В помещении пахло дубовой древесиной, дровами и пивом. В камине пылал огонь, и тепло защидало мои онемевшие щеки. Полдюжины посетителей разместились за тремя-четырьмя круглыми деревянными столами.

В дальнем углу стояло фортепиано, скамья возле него пустовала. Я знала несколько мелодий наизусть: брала уроки музыки, пока училась в школе, ведь матушка настаивала, что леди должна играть на инструменте. Она бы упала в обморок, если бы узнала, что однажды я найду такое низменное применение ее урокам и воспитанию, оказавшись одна-одинешенька в этой странной американской таверне. Я поспешно отбросила размышления о безграничном благоразумии своей матери, чтобы случайно не передумать, и подошла к лысому бармену, улыбаясь своей самой очаровательной улыбкой. Взглянув на меня, он приподнял кустистую бровь, отчего у него на лбу проступили морщины.

— Добрый день, сэр, — сказала я, подойдя к стойке. — Меня зовут Эбигейл Рук. Я только что сошла на берег и нуждаюсь в деньгах. Не позволите ли вы сесть за ваше фортепиано и сыграть несколько...

— Оно сломано, — перебил меня бармен, — уже несколько недель.

Должно быть, я не смогла скрыть своего разочарования, потому что он тут же смягчился.

— Но не спешите, — сказал он, налил пинту пенистого эля и подвинул ее мне, добродушно подмигнув. — Посидите здесь, мисс, переждите снегопад.

Спрятав удивление за благодарной улыбкой, я устроилась за стойкой возле сломанного фортепиано. Оглядев других посетителей, я снова услышала в голове голос матушки, которая непременно заметила бы, что я выгляжу как «легкомысленная девица», если не хуже, а пьяные дегенераты, завсегдатаи подобных мест, вот-вот набросятся на меня, как волки на заблудшую овечку. Но пьяным дегенератам не было до меня никакого дела, да и большинство из них выглядели вполне прилично, хотя казались усталыми после долгого дня. Двое в дальнем конце зала и вовсе играли в шахматы — более чем пристойную игру. И все же мне было странно держать в руке пинту эля, даже хотелось обернуться и проверить, не идет ли директор. Это была не первая моя порция алкоголя, но я все еще не привыкла к тому, что со мной обращаются как со взрослой.

Я взглянула на собственное отражение в замерзшем окне. Всего лишь год назад я покинула английские берега, но уже едва узнавала себя в той молодой женщине, что отражалась в стекле. Соленый морской воздух лишил щеки мягкости, лицо загорело — по крайней мере, по английским стандартам. Вместо аккуратных, украшенных лентами кос, так нравившихся матушке, на голове был небрежный пучок, который казался бы слишком строгим, если бы несколько волнистых прядей не выбились из него на ветру и не спустились на шею. Сбежавшая из дортуара девушка осталась в прошлом, и теперь на ее месте оказалась эта незнакомая женщина.

Оторвавшись от собственного отражения, я взглянула на вихрь белых снежинок, кружившихся в свете газового фонаря. Пригубив горький эль, я почувствовала, что кто-то стоит у меня за спиной. Я медленно повернулась и чуть не разлила свой напиток.

Пожалуй, больше всего меня поразили его глаза: огромные, напряженные, пытливые. Глаза и тот факт, что он стоял в каком-то полушаге от моего стула, чуть подавшись вперед, из-за чего мы едва не стукнулись носами, когда я обернулась.

Его черные или темно-каштановые волосы были в полном беспорядке: им хватило приличия лишь лечь зачесанной назад спутанной гривой, из которой выбилось несколько прядей, падающих на виски. У него были острые скулы и темные круги под светлыми, пасмур-

УИЛЬЯМ РИТТЕР

но-серыми глазами. Казалось, эти глаза прожили уже сотню жизней, но в остальном он выглядел молодым и полным сил.

Я чуть отстранилась, чтобы внимательнее разглядеть незнакомца. Он был худощавым и угловатым. Его толстое коричневое пальто, висевшее, должно быть, не меньше его самого, спускалось ниже колен, обвиснув под тяжестью переполненных карманов. Лацканы пальто были не видны за длинным шерстяным шарфом, доходившим едва ли не до колен. Я узнала этот шарф: замотанный им мужчина придержал мне дверь. Видимо, он вернулся в таверну следом за мной.

— Здравствуйте! — выдавила я, восстановив равновесие. — Чем могу помочь?

— Вы только что вернулись с Украины.

Это был не вопрос. Его голос был спокоен, в нем слышались даже нотки... довольства? Пока он говорил, его серые глаза двигались, словно он обдумывал каждую мысль, прежде чем озвучить ее.

— Вы пересекли Германию, а затем преодолели внушительное расстояние на огромном судне... сделанном, держу пари, в основном из железа.

Склонив голову набок, он продолжал смотреть на меня, но не прямо в глаза, а куда-то в сторону, словно был очарован моими волосами или плечами. В школе я научилась справляться с нежелательным вниманием со стороны мальчишек, но здесь было нечто совершенно иное. Казалось, он был поглощен мною и в то же время совершенно мною не заинтересован. Я была взволнована и заинтригована одновременно.

Запоздало сообразив, что к чему, я с улыбкой спросила:

— Ах, вы тоже с «Леди Шарлотты»? Прошу прощения, мы встречались на борту?

Искренне озадаченный, мужчина наконец встретился со мной взглядом.

— С какой еще леди? О чем вы говорите?

— С «Леди Шарлотты», — повторила я. — Это торговое судно из Бремерхафена. Разве вы не были среди пассажиров?

— С этой леди я не знаком. Похоже, с ней шутки плохи.

Этот странный тип продолжал рассматривать меня: очевидно, моя прическа и швы моего жакета интересовали его гораздо больше моих слов.

— Если мы не плыли вместе, как вы вообще... Ах, должно быть, вы заметили мои багажные бирки.

Я старалась не выдать смущение, но все же отстранилась, когда мужчина придвинулся еще ближе, открыто разглядывая меня. От него

слабо пахло гвоздикой и корицей. В спину мне неудобно впились дубовая столешница.

— Ничего подобного. Это было бы невежливым вторжением в личное пространство, — безучастно заметил незнакомец, после чего снял пушинку с моего рукава, попробовал ее на вкус и сунул куда-то в складки своего мешковатого пальто.

— Я поняла, — заявила я, — вы — детектив.

Глаза мужчины снова встретились с моими. Я почувствовала, что на этот раз попала в точку.

— Вы прямо как... тот детектив, который консультирует Скотланд-Ярд в рассказах. И что же меня выдало? Дайте угадаю! Вы почувствовали, что мое пальто пропахло соленой водой, а к платью прилип какой-то особенный тип глины? Что-то такое, да? Расскажите!

Мужчина ответил не сразу.

— Да, — сказал он наконец, — что-то такое.

Он едва заметно улыбнулся, а затем развернулся на каблучках и направился к выходу. Замотав шарф и натянув вязаную шапку, он распахнул дверь и вышел напрямиком в снежный вихрь. Прежде чем дверь закрылась, я поймала последний взгляд его дымчато-серых глаз между шерстяными краями шапки и шарфа.

А потом он ушел.

После этой странной встречи я спросила бармена, известно ли ему что-нибудь о незнакомце. Усмехнувшись, бармен закатил глаза.

— Я много что слышал. Может, что-то из этого и правда. Почти каждый здесь может рассказать о нем какую-нибудь историю. Правда, ребята?

Несколько завсегдатаев рассмеялись и принялись вспоминать обрывки историй, но уследить за их разговором я была не в силах.

— Помнишь тот случай с кошкой и репой?

— А тот жуткий пожар в доме мэра?

— Мой кузен ему верит, но он верит и в морских чудищ с русалками.

Кажется, мой вопрос возродил давно забытый спор между двумя стариками за шахматной доской, который быстро перерос в перебранку о суевериях и наивности. Вскоре обе стороны заручились поддержкой гостей за соседними столиками. Одни настаивали, что этот странный тип — шарлатан, другие утверждали, будто он посланник небес. В разгаре этой перепалки я наконец услышала имя незнакомца. Его звали Р. Ф. Джекаби.

Глава вторая

К следующему утру мне удалось вытеснить мистера Джекаби из своих мыслей. Постель в моей маленькой комнатке оказалась теплой и удобной и стоила мне всего лишь часа мытья посуды и подметания полов, хотя хозяин гостиницы и дал понять, что это только разовое одолжение. Я распахнула шторы и выпустила в комнату утренний свет. Чтобы продолжить свои смелые приключения, не опускаясь при этом до жизни под мостом и еды из мусорных баков — или, еще хуже, письма родителям с просьбой о помощи, — мне нужно было найти подходящую работу.

Я положила чемодан на кровать и щелкнула замками. Одежда внутри сгрудилась у стенок в две кучки, которые словно не желали находиться в обществе друг друга. С одной стороны лежали тонкие платья с изящными вышитыми подолами, кружево которых тотчас вздохнуло и всколыхнулось: смятая ткань вернулась к жизни. Напротив нежных пастельных материалов и непрактичных украшений лежало несколько пыльно-коричневых рабочих штанов и поношенных рубашек. Между двумя стопками особняком держались нижнее белье и носовые платки.

Осмотрев свои пожитки, я вздохнула. Других вариантов у меня не было. Все остальные мои наряды износились, и теперь я столкнулась с двумя крайностями: я могла одеться или как мальчишка, или как воздушное пирожное с кремом. Вытащив из чемодана простую нижнюю рубашку и панталоны, я захлопнула крышку, несмотря на приглушенные протесты красивых платьев. На столбике кровати висело зеленое дорожное платье, в котором я приехала накануне. Я поднесла его к свету: подол обносился и до сих пор не просох после снегопада, кое-где на нем уже появилась бахрома. Но я все равно надела это платье и спустилась вниз. Сначала нужно было найти работу, а уже потом задуматься о новой одежде.

В свете дня Нью-Фидлем выглядел свежо и многообещающе. На улице было все так же морозно, но холод уже не казался таким пронизывающим, как накануне вечером. В приподнятом настроении я шагала по мощеным тротуарам с чемоданом в руке. На этот раз я решила найти подходящую для себя работу. Мой опыт был весьма скромным: до этого я работала лишь в одном месте, по глупости откликнувшись

на объявление, в котором жирными заглавными буквами сообщалось о НЕВЕРОЯТНОЙ ВОЗМОЖНОСТИ, о ШАНСЕ ВСЕЙ ЖИЗНИ, но мое наивное воображение привлекло другое слово: ДИНОЗАВРЫ.

Да, динозавры. Мой отец занимался антропологией и палеонтологией, из-за чего и я жаждала открытий, хоть отец считал, что эту жажду мне не стоит утолять. В детстве я могла наглядно увидеть работу отца только во время походов в музей. Я прилежно училась, делала успехи в школе и с нетерпением ждала поступления в университет, пока не узнала, что на той же неделе, когда начнутся мои занятия, отец отправится руководить самыми важными раскопками в его карьере. Я умоляла его позволить мне поступить в университет и чуть с ума не сошла от радости, когда он наконец сумел убедить в этом мамушку, однако теперь одна мысль о том, чтобы корпеть над пыльными учебниками, пока он совершает настоящие открытия, приводила меня в уныние. Я хотела быть в гуще событий, как мой отец. Я упрасивала его взять меня с собой, но он, конечно же, отказался, заявив, что юной леди на раскопках не место. По его разумению, мне следовало окончить обучение и найти хорошего мужа с приличной работой.

Так все и случилось. За неделю до начала учебного семестра я откликнулась на объявление о НЕВЕРОЯТНОЙ ВОЗМОЖНОСТИ и, прихватив отложенные родителями на мое обучение деньги, присоединилась к экспедиции в Карпатские горы. Я боялась, что девушку на раскопки не возьмут, и потому купила в комиссионном магазине несколько брюк — все они были мне велики, но я закатала штанины и нашла подходящий ремень. Я научилась говорить низким голосом и прятать свои длинные каштановые волосы под старой дедушкиной кепкой — она была точь-в-точь такой, какие носили все мальчишки-газетчики, и я не сомневалась, что она удачно завершит мой образ. Результат оказался поразительным. Я сумела превратиться в... глупую девочку, нарядившуюся в мальчишеские вещи. Как выяснилось, руководитель раскопок был настолько увлечен этим плохо профинансированным и слабо организованным предприятием, что ему не было дела даже до того, человек ли я, не говоря уже о том, какого я пола. Он просто обрадовался получить пару рук, готовых работать за еду.

Последующие месяцы можно было назвать «невероятной возможностью», только если кто-то считает таковой возможность несколько месяцев питаться одинаковыми безвкусными обедами, спать на неудобной койке и изо дня в день ковыряться в каменистой почве в бесплодных поисках. Окаменелостей никто не обнаружил, и финансирование прекратилось, а потому экспедицию свернули, после чего мне

УИЛЬЯМ РИТТЕР

пришлось самой искать способ добраться домой с восточных рубежей Европы.

«Хватит мечтать! Пора образумиться!» — казалось, именно этому меня должны были научить несколько месяцев, за которые я спустила деньги на целый семестр учебы. После своего сокрушительного провала я оказалась в немецком морском порту, надеясь уплыть обратно в Англию. По-немецки я говорила ужасно: едва могла связать пару слов. В процессе переговоров о цене койки на большом торговом судне «Леди Шарлотта» мне с трудом удалось понять, что капитан вообще не плывет в Англию, а собирается ненадолго зайти во французский порт и затем отправиться в плавание по Атлантике в Америку.

Поразительнее всего было то, что перспектива переплыть океан и оказаться в Штатах пугала меня гораздо меньше, чем возможность вернуться домой. Не знаю, чего я боялась больше — встречи с родителями, у которых украли деньги на обучение, или окончания своего приключения, которое, казалось, толком и не началось.

В тот день я купила три вещи: открытку, марку и билет на «Леди Шарлотту». Должно быть, родители получили открытку в то же время, когда я наблюдала за исчезающими на горизонте европейскими берегами и огромным затуманенным океаном, открывающимся передо мной. Я была уже не так наивна и полна надежд, как в самом начале своего путешествия, но мир с каждым днем становился все больше. На открытке я написала краткое послание:

Дражайшие матушка и отец,

надеюсь, вы в добром здравии. Как вы и предупреждали меня, оказалось, что на профессиональных раскопках юной леди не место. Отправляюсь на поиски более подходящего занятия.

С любовью,

Э. Рук

Теперь, в Нью-Фидлеме, я не собиралась отказываться от своей тяги к приключениям, но в качестве компромисса решила устроиться на приличную работу, чтобы обеспечивать себя.

Первым делом я зашла в бакалейную лавку. Когда я открыла дверь, в лавке звякнул колокольчик, и хозяйка, худошавая старушка, подняла голову от тележки, доверху нагруженной мешками с мукой.

— Доброе утро, дорогуша! Секундочку!

Она подняла один из тяжелых мешков на полку у себя за спиной, но он зацепился за угол стеллажа, и старушка потеряла равновесие. Мешок упал на пол, в воздух взметнулось белое облако.

— Мамочки мои! Подождете еще минутку? — извиняющимся тоном спросила она.

— Конечно. Позвольте вам помочь, — сказала я и поставила свой чемодан на пол.

Старушка с радостью приняла мою помощь. Я принялась поднимать мешки на полку, а она тем временем принесла метлу и совок.

— Я вас раньше не видела, — заметила хозяйка лавки, подметая пол.

— Я только вчера приехала, — подтвердила я.

— Из Лондона, судя по акценту?

— На несколько графств юго-западнее. Из маленького городка в Гэмпшире. Вы бывали в Англии?

Старушка ни разу не покидала Штаты, но с радостью выслушала мой рассказ. За приятной беседой мы быстро справились с тяжелыми мешками. Когда я положила последний из них на полку, она убрала пустую тележку в соседнюю комнату, исчезнув за стеллажами с товарами. Не успела она вернуться, как колокольчик снова звякнул, и в магазин вошел бородастый краснощекий мужчина.

— Мне жестянку «Старины Барта». Спасибо.

Я поняла, что все еще стою за прилавком, и оглянулась в поисках хозяйки.

— О, я не... Я здесь не...

— Это трубочный табак, милочка. Стоит прямо у вас за спиной — вон тот, с желтой этикеткой.

Я взяла жестянку с портретом крепкого моряка и положила ее на прилавок.

— Хозяйка сейчас вернется, сэр, — сказала я.

— Вы и так неплохо справляетесь, — улыбнулся мужчина и принялся отсчитывать монеты.

Старушка наконец вернулась, вытирая руки о фартук.

— Доброе утро, мистер Стэптон! — радушно воскликнула она. — Жестянку «Барта»?

Выскользнув из-за прилавка, я позволила хозяйке завершить сделку.

— Мне нравится ваша новенькая, — сказал мистер Стэптон, прежде чем уйти.

Еще раз добродушно улыбнувшись мне, он открыл дверь.

УИЛЬЯМ РИТТЕР

— Не волнуйтесь, милочка, вы освоитесь. Просто не вешайте свой хорошенький носик.

С этими словами он вышел на улицу, и дверь за ним захлопнулась.

— О чем это он? — спросила хозяйка.

— Произошло небольшое недоразумение.

— Что ж, юная леди, не знаю, как вас и благодарить, — сказала старушка, закрывая кассу. — Что вы хотели?

— На самом деле я хотела спросить, может, у вас есть работа...

Она сочувственно мне улыбнулась.

— Простите, дорогая, у меня работы нет. Спросите на почте: у них там рук не хватает.

Я взглянула на прогнувшиеся под весом товаров полки у нее за спиной и вытерла пот со лба.

— Вам точно не нужна никакая помощь?

В благодарность за то, что я была такой хорошей девочкой, она вручила мне сверток с помадкой и отправила восвояси, что ничуть не помогло мне почувствовать себя уверенной в себе взрослой женщиной. Забрав чемодан, я последовала совету мистера Стэплтона: не стала вешать нос — и пошла дальше.

Бродя по холодным улицам Нью-Фидлема, я встретила еще нескольких радушных лавочников и служащих, но никто из них не предложил мне работу. Город был весьма примечательным, но я никак не могла понять его географию. Казалось, улицы не шли параллельно более пары кварталов. Проспекты прокладывались, будто исходя из нужд жителей, а не по генеральному плану. Постепенно я прочертила границы размытых районов города: скопление заснеженных коммерческих зданий, квартал безликих офисов и промышленный округ, где здания разрастались в крупные фабрики с высокими трубами. Между ними находились жилые районы.

Каждая улица обладала своим характером. По обе стороны мостовой высились внушительные здания, словно боровшиеся друг с другом за господство в районе. Вдоль дорог стояли уличные торговцы, несмотря на снег, предлагающие прохожим свои товары; ребятишки взбегали на холмы, чтобы скатиться вниз на самодельных салазках; в обе стороны двигались потоки людей, шаги которых вместе со скрипом колес экипажей составляли постоянную пульсацию городской жизни.

Через несколько часов я наконец разыскала почту Нью-Фидлема. Вопреки предположению бакалейщицы, там мне тоже не улыбнулась удача. Однако когда я повернулась к выходу, кое-что привлекло мое